

Николай Вахтин

Стереотипные представления об общении между носителями разных языков: финско-русские и русско-финские разговорники

1. Введение

Насколько мне известно, разговорники, один из языков которых — русский, никогда не становились предметом исследования, не только специального, но и как попутный материал. При том, что *устный* разговор исследуется давно и многими (см. хотя бы обзорную книгу [Turnbull 2003], в которой автор последовательно излагает кодовую модель разговора по Хомскому, модель речевого акта по Дж. Остину и Дж. Серлю, инференциальную модель Г.П. Грайса, модель Х. Сакса и Э. Щеглоффа, модель П. Браун и С. Левинсона и др.), разговорники, которые фактически являются *инструкцией к разговору*, остались за пределами внимания исследователей.

В англоязычной традиции эта тема лежит в русле исследований межъязыковой прагматики (*interlanguage pragmatics*) — см., например, сборник статей, посвященный исследованию межъязыковой прагматики *в устном общении* (Bardovi-Harlig, Hartford 2005), однако и здесь мне не удалось найти исследований, посвященных структуре и прагматике разговорников как жанра. Исключения — исторические работы, в которых исследуются разговорники XV–XVII веков как «родоначальники жанра» и (или) как свидетельства культурных контактов (см., например, [Sorensen 1954] о русских разговорниках XVII века; [Жовтобрюх 1978] — об украинском разговорнике XVI века; [Corrigan 2005] — об учебниках и разговорниках XV–XVI века для обучения английскому языку; [Сороколетова 2009] — о нарушениях семантических соответствий в русско-немецких разговорниках XVI–XVII в.; и подобные).

А между тем разговорники — интересный жанр. *Во-первых*, состав и структура разговорников отражает представления их составителей (заказчиков) о том, какие именно слова и выражения понадобятся (и какие не понадобятся) потенциальным пользователям. Составляя разговорник, автор как бы *представляет себе* то коммуникативное поле, в котором предстоит оказаться пользователю, и старается предусмотреть все возможности. Конечно, разные составители делают это с разной степенью талантливости и успешности, однако принцип этот, видимо, общий для всех. Исследование этих «представлений» может оказаться небезынтесным.

Впрочем, говоря «отражают», мы не должны забывать и о второй стороне дела: разговорники — это не только «отражающая», но и «порождающая» модель будущего разговора. Авторы разговорников не только «отражают», но и «конструируют» будущую коммуникацию, конструируют представления пользователя о коммуникации, о том, что нужно русскому в Финляндии и финну в России.

При этом, в отличие о разнообразных «действующих моделей», разговорники являются, скорее всего, «бездействующими моделями коммуникации»: данных о реальном числе пользователей разговорников у меня нет, но я не удивлюсь, если их число окажется существенно меньше, чем число людей, купивших соответствующие издания. Несмотря на кажущуюся простоту (раз издают — значит покупают, раз покупают — значит пользуются) проблема оказывается сложнее: ср. понятие «воображаемой книги», которая является «предметом не только материального мира, но и социального воображения...» (Мельникова 2011: 148); значение книги может определяться не только тем, сколько народу ее реально читает, но и иными способами ее использования. Возможно, не только мне знакома эта ситуация: перед поездкой в новую страну купить соответствующий разговорник, полистать в самолете и больше ни разу не открыть: оказывается, там все говорят по-английски...

Во-вторых, структура и состав разговорников отражают «законы жанра»: разговорник — это такой текст, в котором слова и выражения двух или более языков выписаны в два, три или четыре столбика и сгруппированы по темам. И здесь тоже: авторы разговорников не только следуют законам жанра разговорников, но и формируют сам этот жанр. Интерес для исследователя могут здесь представлять способы группировки лексики по темам,

ориентация на устную или письменную коммуникацию, способы заполнения «социокультурных лагун», передачи реалий и другие вопросы, обычно рассматриваемые в теории перевода (см., например: Сорокин, Морковина 1983).

Настоящая статья посвящена описанию русско-финских и финско-русских разговорников, их истории, эволюции их структуры и содержания, их типологии. Материалом нам послужила коллекция Российской национальной библиотеки (всего 75 единиц¹; см. приложение), а также несколько разговорников, размещенных в интернете. По понятным причинам данная статья представляет собой не более чем «введение в тему».

2. Методика анализа

Перед автором любого разговорника стоят две проблемы. Первая — отбор из множества возможных некоторого количества слов и выражений, которые, по его мнению, в наибольшей степени соответствуют поставленной задаче: налаживанию и поддержанию минимальной необходимой коммуникации между пользователем разговорника и «туземным» населением в условиях полного незнания пользователем «туземного» языка. Вторая проблема — как структурировать отобранные слова и выражения, чтобы ими было удобно пользоваться — то есть чтобы они располагались в некоторой системе, общей для составителя и пользователя.

Из базовых положений социалингвистики нам известно, что выбор языкового варианта (в случае двуязычия — выбор одного из двух языков) определяется комплексом факторов. Из многочисленных существующих теоретических подходов к проблеме выбора языка (языкового варианта) мы воспользуемся здесь самым простым — подходом Дж. Фишмана (Fishman 1965; 1972). В ситуации выбора между языковыми вариантами говорящий, по Фишману, опирается на три параметра: обстоятельства разговора (место), тема разговора и (статусные) характеристики собеседника. Так, при разговоре в официальной обстановке на серьезную тему с вышестоящим говорящий выберет один языковой стиль, а при разговоре в домашней обстановке на бытовую тему с ниже-

¹ Далеко не все из них являются оригинальными или даже просто разными текстами: здесь довольно большое число переизданий.

стоящим он же выберет совсем другой стиль². Было показано экспериментально (Greenfield 1970: 602–618), что эти три параметра тесно связаны, взаимозависимы и образуют систему доменов (domains): так, при заданных двух параметрах третий перестает быть полностью независимым: официальная обстановка плюс высокий статус собеседника статистически достоверно определяют тему разговора; бытовая тема плюс высокий статус собеседника диктуют место, в котором происходит разговор, и т. п.

Набор доменов культурно-специфичен и может быть определен эмпирически; так, в исследованиях общины пуэрториканцев 1971 года выделено пять доменов: семья, дружба, религия, работа и образование; в исследованиях в Индии 1991 года — три: семья, дружба и официальные институты (см. Hohenthal б.д.).

Если это так, то автор разговорника попадает в ситуацию, когда, чтобы выбрать из множества вариантов верное выражение, он должен мысленно представить себе набор доменов, в которых это выражение будет использовано: варианты места действия; варианты тем разговора; варианты возможных собеседников, с которыми его читатель будет говорить. По-видимому, в этом случае автор будет стараться ориентироваться на наиболее нейтральный домен, то есть на наиболее нейтральное («немаркированное») сочетание трех параметров. Так, при выборе обращения или приветствия автор будет, скорее всего, ориентироваться не на подчеркнуто сниженный и не на подчеркнуто торжественный, а на нейтральный вариант: он не напишет, что *Terve* по-русски будет *Приветик*, *С добрым утречком* или *Я вас приветствую* — он напишет, что *Terve* по-русски будет *Здравствуйте*.

Поскольку это домен, то при жесткой заданности одного параметра (например, темы разговора *Покупки*) два других (место и собеседник) оказываются «свободными» лишь отчасти (*магазин* или *рынок*, *продавец* или *случайный прохожий*). При менее жесткой заданности темы (например, *Приветствие* и *Прощание*) два других параметра оказываются почти полностью во власти автора разговорника: он волен представлять себе собесед-

² «...лишь один из теоретически доступных языков или языковых вариантов будет выбран тем или иным классом или собеседником в конкретных типах случаев для обсуждения конкретных тем» (Fishman 1972: 15). И далее: домены «привзваны обозначать основные кластеры ситуаций взаимодействия, встречающихся в многоязычной ситуации. Домены помогают нам понять, что выбор языка и темы... привязаны к широко понимаемым культурным нормам и ожиданиям» (Fishman 1972: 19).

ников как знакомых или незнакомых, как равных или не равных по возрасту, полу, статусу, а место действия — как практически любое. Что он выберет? Что он выберет в разные эпохи, для разговорников разного типа?

По-видимому, анализ отбора выражений для разговорника, прежде всего для общих разделов, не детерминированных жестко доменом, и анализ изменений правил этого отбора может дать нам представление о том, что воспринималось как нейтральный, немаркированный домен в разные исторические периоды, и прежде всего — о сравнительном статусе собеседников: путешествующего финна (русского) и местного русского (финна).

Такова теоретическая рамка, в пределах которой мне бы хотелось исследовать имеющийся материал. Однако прежде чем приступить к анализу, необходимо описать сам этот материал: состав, историю, типологию и эволюцию русско-финских и финско-русских разговорников.

3. Первые разговорники

Первый русско-финский разговорник³ — *Собрание фраз для разговоров с финнами*, изданный в Петербурге, датируется 1844 годом. Объем его — 16 страниц. Он состоит из 14 разделов — «Разговоров»; текст набран в два столбца: слева русское слово (словосочетание), справа — произношение финского слова, записанное кириллицей. Разделы следующие: 1) *О приветствиях* (Бог; Иисус Христос; доброе утро; добрый день; добрый вечер; Дай Бог; Воздай вам Бог за оказанную мне помощь; Исполни Бог все ваши желания; Вам также). 2) *О покупках* (Добрый хозяин; Добрая хозяйка; продай мне; можно ли купить...; масла и хлеба; хорошего, лучшего, свинины, говядины... и т. п.). 3) *О колбасах*; 4) *О рыбах*; 5) *О растениях*; 6) *О приготовлении кушаний*;

³ Если верить каталогу Кембриджской библиотеки, то самый первый в истории разговорник — это сочинение William Horman (Hormani Caesariburgensis) *Vulgaria uiri doctissimi Guil 1519* года, а первый разговорник, в котором появляется английский язык — сочинение Mathurin Cordier под названием «Corderius dialogues translated grammatically: for the more speedy attaining to the knowledge of the Latine tongue, for writing and speaking Latine. Done chiefly for the good of schooles, to be vsed according to the direction set downe in the booke...»... и т. д. 1625 года. Дата не случайна: середина 17 века — эпоха, когда латынь в Европе стала терять свои позиции, уступая место новым языкам (см. Burke 2004: 58–59); именно тогда возникла потребность в руководстве по разговору на латыни.

7) *О напитках*; 8) *О бане*; 9) *Что нужно знать находящемуся на ночлеге*; 10) *О сыре*; 11) *О приготовлении постели*; 12) *О дороге*; 13) *О получении лошадей и о хождении за ними*; 14) *О деньгах* (талеры, риксталеры, марки, рубли, копейки).

Самый большой раздел — 13-й, в котором собраны не только слова, имеющие отношение к лошадям, но и различные обиходные фразы типа «неси в лавку», «поезжай через», «свяжи это», «что хочешь ты?», «помоги ему» и т. п.

Разговорник очевидным образом рассчитан на русского путешественника, скорее всего — купца, приезжающего в Великое княжество Финляндское, и по рубрикации разговорника достаточно ясно видны те коммуникативные сферы, в которых, как ожидается, он будет общаться: это приобретение продуктов, еда, ночлег, баня и дорога. Из них только первое является, видимо, самоцелью: задача приехавшего — купить дешевые финские продукты; остальное имеет вспомогательную функцию.

Хронологически следующий разговорник — *Финские, шведские и русские разговоры*, изданный в 1848 году Выборге и ориентированный на финнов. Он значительно объемнее и разнообразнее, и включает следующие разделы: *О вере и духовенстве*; *О светских сословиях*; *О военной службе*; *Об администрации земли*; *О городе и деревне*; *О доме и домохозяйстве*; *О кушаньях и питье*; *О животных*; *Об одежде*; *О книгах и письменных принадлежностях*; *О родстве*; *О человеке*; *О предметах естества* (сюда входят слова, зазывающие природные явления, светила, минералы...); *О времени*; *О народах и странах*; *О мере*; *О деньгах*. Далее идут разделы: *Склонение*; *Местоимения*; *Частицы речи*; *Имена прилагательные*; *Имена числительные*; *Глаголы*; и, наконец, *Обыкновенные разговоры* (здесь — выражения типа *Как здоровье*; *Как дела*; *Что прикажете*; *Не угодно ли кушать*; *Пришла ли госпожа домой*; *Дома ли барин*; *Нет дома*; *Где живет господин N*; *Вот тебе на водку*; *Принеси бутылку пива*; *Далеко ли до церкви*; *Мне холодно*; *Останови*; *Отвори ворота*; и мн. др.).

Слова поданы в четыре столбца⁴: (1) финские слова, (2) шведские слова, (3) русские слова кириллицей, (4) произношение рус-

⁴ «Наследниками» этого разговорника (не переизданиями, а скорее текстами, которым он послужил моделью) являются: *Собрание финских слов и разговоров* Фримана (1880) и *Финско-русские разговоры* (1892). Все три издания совпадают и по структуре, и по содержанию, вплоть до завершающего «пожара» — за исключением того, что в поздних изданиях уже нет шведского языка, и слова поданы в три столбца — см. фото в тексте.

ских слов. Все, кроме русских слов — готическим шрифтом, русские — кириллицей.

Интересно, что финско-русский разговорник, опубликованный через четыре года после русско-финского, никоим образом не копирует структуру первого: если разговорник 1844 года — явно «специальный», ориентированный на торговых людей, то разговорник 1848 года — «общий», опирающийся, скорее всего, на какие-то немецкие или шведские образцы. Здесь мы уже не видим моделирования конкретной коммуникативной сферы; здесь перед нами — моделирование всех возможных разговоров. Действительно, вряд ли слова, помещенные, например, в раздел «О человеке», пригодятся путешествующему финну при общении с первым встречным (даю эти слова через запятую, с сокращениями): *душа, дух, тело, труп, голова, лицо, глаза, нос, ... грудь, спина, плечо, ... кости, кровь, пульс, кожа, жилы, разум, ум, воля, совесть, память, чувство, глупость, грех, лукавство, несправедливость, справедливость, честность, расторопность, ... радость... счастье... несчастье...* Скорее этот список напоминает единую таксономическую классификацию всего сущего, от высших (в гегелевском смысле) проявлений духа до «костей и жил», от «разума» до «чувства», и т. д. (Заметим, что эта классификация благополучно дожила до наших дней и широко используется в современной лексикографии при построении различных тематических классификаций лексики.)

Анализ подбора слов и выражений показывает, что данный разговорник ориентирован на такого финскоговорящего пользователя, который постоянно живет в России или как минимум часто и много сюда приезжает, но при этом не говорит по-русски, то есть, скорее всего, опять на торговца. Это особенно видно по разделу *Обыкновенные разговоры*, в котором собраны такие, например, выражения: *Мастер, с собою ли у вас мои башмаки? Ай больно! они слишком тесные. Трудно угодить вам; Я нездоров, у меня желудок болит, я совершенно потерял аппетит; У меня лихорадка; Наш сосед имеет падучую болезнь; Мы заблудились, прошу дать мне ночлег; Вот лошадь, которая продается; Посмотри на лошадь, она очень худа; Ловите вора! что украдено? Серебро, деньги... объявите в полицию; Когда уходит почта отсюда? Огонь показался в доме; Сруби эту стену топором; Принесемте воды из колодца; и т. п.*